

СЛОВО *ЧАЙ* И ЕГО ДЕРИВАТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Супрун В. И., Вэн Цзятун

*Институт русского языка и словесности (структурное подразделение)
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический
университет», Волгоград, Российская Федерация
E-mail: suprun@vspsu.ru, ong.valentine@yandex.ru*

Статья посвящена анализу истории лексемы *чай* в русском языке. Этот освежающий напиток получил широкое распространение в Китае в период династии Хань (206 г. до н. э. – 221 г. н. э.), когда были освоены новые способы сбора и обработки чайных листьев. Постепенно в стране вырабатываются правила чаепития. Лексема *чай* была заимствована русским языком у тюрков, которые преобразовали китайское слово 茶 [chá], добавив к нему финаль [i/j]. Первые упоминания о чайном листе в России датируются 1638 годом, когда Василий Старков привёз царю Михаилу Федоровичу в дар от монгольского алтын-хана свёртки с сухими листьями. Новый напиток понравился царю и боярам, в 1769 году Россия заключает с Китаем первый договор на поставку чая. Культура чаепития быстро получила широкое распространение в России, в результате чего лексема *чай* вошла в активный словарный запас русского языка, стала основой для многих дериватов, включена в фольклорные, художественные и публицистические тексты. Стали использоваться различные сорта чая, постоянно обновлялись их наименования. Чайный куст стали выращивать на территории России. Возникли *чайные* – специальные заведения, в которых подавали чай. В ресторанах стали давать официантам за обслуживание *чаевые*. Появился *чайный этикет*. Одно из растений, которое использовали как заменитель чая, получило название *иван-чай*.

Ключевые слова: заимствование, полисемант, деривация, этимология, субстантивация, русский язык, китайский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Слово *чай* входит в активный словарный запас современного русского языка, оно является многозначным: 1. Вечнозеленое дерево или кустарник семейства чайных, листья которого используются для изготовления питья. 2. Особо обработанные и высушенные листья этого растения, служащие для приготовления ароматного тонизирующего напитка. // Напиток, настоянный на этих листьях. 3. Питье такого напитка, чаепитие. 4. Высушенные травы, листья, корни, плоды и т. п., служащие для заваривания лечебных настоев; сбор таких трав, корней и т. п. // Напиток, приготовленный из таких трав, корней и т. п. [3, с. 1466]. Русский полисемант в основном совпадает по семантической структуре с исходным китайским словом 茶 [chá] ‘чай’, которое в китайском литературном языке также имеет несколько значений: 1) вечнозеленый кустарник с листом продолговатой формы, который после обработки используется для приготовления напитка; 2) напиток из чайного листа; 3) название некоторых напитков (не из чайного листа); 4) чайное масличное дерево [44, с. 111].

Известный советский и российский ботаник, популяризатор науки Борис Николаевич Головкин (1934–2011) в книге «О чем говорят названия растений» отмечает: «Первым из европейцев о чае пишет в 1589 году монах-иезуит Иоанн Маффеус, называя его чиа (chia). Другой монах Луи Ле Комб в своей книге “Новые

мемуары о стране Китай”, вышедшей в 1696 году, говорит уже о двух названиях: “Китайцы называют его „ча“ (cha), и только на диалекте провинции Фукиен он носит название „тэ”» [5, 1992]. Фукиен – название в некоторых европейских источниках провинции Фуцзянь (福建) на юго-востоке Китая, где распространён миньский (фуцзяньский, хоккиен) диалект китайского языка, существенно отличающийся от северных диалектов (гуаньхуа, бэйфанхуа) [12].

Слово *чай* было заимствовано русскими из тюркских языков. Тюрки давно познакомились с севернокитайской лексемой 茶 [chá], добавив в ней в конце [i/j]: тур., азерб. çay, татар. чэй, чуваш. чей, узб. choy, якут. чэй и др. В некоторых языках инициальный согласный был преобразован в соответствии с системой консонантизма в них: башк. сэй, казах шай, монг. цай, араб. القهوة [шай]. Название чая с аффрикатой в начале получило распространение в разных языках Европы, Азии и даже Африки: албан. çaj, тадж. чой, хинди चाय [chaya], урду چائے [chae], гуджарати ચા [cha], каннада ಚಹಾ [chaha], маратхи चहा [chaha], непал. चिया [chia], панджаби ਚਾਹ [chah], корейск. 차 [cha], вьетнам. trà, суахили chai, себуан. tsa, тагал. tsaa, греч. τσάι, груз. ჩაი [chai], румын. ceai и др.

В Европе первоначально также было известно слово с начальной аффрикатой *cha, tcha, chia, cia* (1590-е годы), восходящее к португальскому заимствованию из мандаринского варианта китайского языка cha в 1550-е годы. Однако с 1610 года главным поставщиком чая в Западную Европу стала голландская Ост-Индская компания, завозившая чай из южной части Китая, где распространён кантонский (гуанчжоуский) диалект, в котором название растения и напитка произносилось как [te]. Чай стал известен в Париже в 1635 году; практика его употребления была введена в Англии в 1644 году. Это слово с 1650-х годов стало употребляться в западноевропейских языках [32, т. 4, с. 311; 43]: нидерл. thee, англ. tea, нем. Tee, швед., норв., дат. te, ит. tè, исп. té, фр. thé и др. Из европейских языков, но, возможно, в некоторых случаях и непосредственно из кантонского диалекта этот вариант названия чая получил распространение во многих языках мира: фин., эст. tee, иврит תה [tha], тайск. ชา [tea], индонез. teh, зулу itiyе, коса iti и др.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Китай считается родиной чая. История использования растения для приготовления напитка, по данным китайских исследователей, можно проследить до 1100 г. до н.э. [45, с. 3]. По легенде, чай впервые стал использовать как напиток мифологический правитель, один из Трёх Великих, покровитель земледелия и медицины Шэньнун (神农), имя которого переводится как Божественный Земледелец. В китайской мифологии рассказывается: 神农尝百草, 日遇七十二毒, 得茶而解之 «Шэньнун пробовал разные травы и из 100 растений 72 нашел ядовитыми». В данном случае число 100 является символическим обозначением полноты, а 72 – завершенности временного цикла (в китайском календаре 72 пятидневки *юань* образуют 360 дней года) [4, с. 6; 19, с. 556; 46, с. 27]. Шэньнуну приписывают использование чая как лекарственного средства и бодрящего напитка.

Из истории Китая известно, что уже в династии Шан (1554–1046 гг. до н. э.) чай начали использовать для лечения болезней и иногда как напиток во время еды. В период династии Чжоу (1122–249 гг. до н. э.) постепенно стали пить его как освежающий напиток, однако широкое распространение он получил только в династии Хань (206 г. до н. э. – 221 г. н. э.), когда были освоены новые способы сбора и обработки чайных листьев. Постепенно вырабатываются правила чаепития [42]. Их описывает китайский поэт Лу Тун (790–835) в стихотворении «Семь чашек чая» (七碗诗 卢仝):

一碗喉吻润, Первая чаша увлажняет мои губы и горло,
二碗破孤闷, Вторая чаша нарушает мое одиночество,
三碗搜枯肠, Третья чаша обыскивает мои бесплодные внутренности,
惟有文字五千卷, Чтобы найти в нем около пяти тысяч свитков,
四碗發輕, Четвертая чаша вызывает легкое потоотделение
平生不平事尽向毛孔散, И все несправедливости жизни выходят через мои
поры,
五碗肌骨清, Пятая чаша очищает мою плоть и кости,
六碗通仙灵, Шестая чаша призывает меня к бессмертным,
七碗吃不得也, Седьмая чаша не могла быть выпита,
唯覺兩腋習習清風生, Только дуновение прохладного ветра шевелит мои
рукава.
蓬萊山, 在何處·玉川子乘此清風欲歸去,。 Где находится остров Пэнлай,
Юйчуанцзы хочет прокатиться на этом сладком бризе и вернуться обратно.

Упомянутый в тексте остров Пэнлай (蓬萊) – в китайской даосской мифологии один из островов бессмертных, Юйчуанцзы – псевдоним Лу Туна.

Несколько раньше «чайный мудрец» Лу Юй (茶經), живший тоже во времена династии Тан (唐; 618–907), подготовил книги «Ча цзин» (茶經, «чайный канон»), состоящую из трех томов и десяти глав [18].

Один из основоположников российской синологии Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853, иеромонах Иакинф) в своей книге о Китае многократно упоминает о чайных церемониях в Поднебесной. В главе «Церемониал большого пира при дворе» так описывается использование чая при приеме у богдыхана (у Бичурина – *богдахан*): «Поддают чай, при чем играет духовая музыка на красном крыльце. Государь кушает чай. Князья и чиновники, встав с мест своих, делают поклон и садятся. Телохранители поддают чай князьям и вельможам. Чиновники Дворцового Правления разносят чай чиновникам на красном крыльце и помосте. Чиновники, встав с своих мест, делают поклон; выпив чай, опять делают поклон и садятся». Такое же подробное описание чаепития дается в главах «Церемониал женитьбы царевича», «Общие брачные обряды», «Похоронные обряды», «Правила учтивости» и др. [2].

По мере распространения употребления чая и развития чайной культуры в Китае появились разные способы производства чая: 散茶 [sǎnchá ‘рассыпной чай’]

<散 ‘разрозненный; рассредоточенный’; 碎茶 [suìchá ‘гранулированный чай’] < 碎 ‘раздробленный; мелкий’; 砖茶 [zhuānchá ‘кирпичный чай’] < 砖 ‘кирпич; кирпичный’ (изобретен китайскими чаоторговцами в провинции Хубэй); 团茶 [tuánchá ‘плиточный чай’] < 团 ‘группа’; 饼茶 [bǐngchá ‘прессованный чай в форме лепешки’] < 饼 ‘лепешка; блин’; 坨茶 [tuóchá ‘прессованный чай в форме чаши’] < 坨 ‘кусоч’); 沱茶 [tuóchá] – по названию реки Туоцзян 沱江 [tuójiāng] и др. [44, с. 1162]. Переводы некоторых из этих терминов (*гранулированный чай, кирпичный чай, прессованный чай и плиточный чай*) получили распространение и в русском языке.

Китайский чай и чайная культура разными путями получили распространение в других странах. Во времена династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.) Китай установил торговые связи со странами южных морей (побережье и острова Тихого и частично Индийского океана), куда был завезен чай. При династии Тан (618–907) были открыты основные пути экспорта чая в Среднюю Азию и Европу, куда он поставлялся через Южно-Китайское море, вдоль полуострова Индокитай, через Малаккский пролив, Индийский океан, Персидский залив и Средиземное море. В 1405–1433 годы состоялись знаменитые «семь путешествий Чжэн Хэ» – семь плаваний китайского флота в Юго-Восточную Азию и Индийский океан во главе с легендарным адмиралом империи Мин, путешественником и дипломатом Чжэн Хэ (1371–1435) [37], после чего чай получил широкое распространение в Юго-Восточной Азии, Африке, на Аравийском полуострове и т. д. Сухопутным путем чай также поставлялся из Китая на юг – в страны Юго-Восточной Азии и на север – из провинций Шаньси и Хэбэй через Великую китайскую стену и Монголию в Россию [47, с. 140–141].

В Интернете бродит недостоверная информация о том, что в Россию высушенные листья растения впервые попали в 1547 году, когда некие казаки преподнесли царю в качестве подарка баночку душистого чая, однако из истории дипломатии известно, что впервые контакты русских со Срединной империей произошли в 1618 году, когда группа российских землепроходцев посетила Пекин. В составе миссии было 12 человек, возглавляли ее томские казаки учитель Иван Петлин и Андрей Мадов. Иван Петлин составил роспись о поездке, в которой ничего о чае не упоминается [29, с. 15–18]. В 1637–1638 гг. к монгольскому алтын-хану Омбо-Эрдэни-хунтайджи отправляется посольство во главе с Василием Старковым и Степаном Неверовым, которым не удалось привести хана к шерги – присяге на верность договорным отношениям с Русским государством [36, с. 387], однако послы привезли Михаилу Федоровичу дары Омбо-Эрдэни, и в них, помимо атласов и мехов, находились свертки с сухими листьями чая. Но понадобилось еще 130 лет, чтобы новый напиток стал популярным в царских покоях и высшем свете, только в 1769 году Россия заключает с Китаем первый договор на поставку чая [39]. Еще в середине XIX века о нем мало что знали в крестьянской и рабочей среде. В народе распевали шуточную песню о том, как крепостной повар готовил для барина чай. Она известна в нескольких вариантах, в 1960-е годы ее записали в Пермском крае [23], ее включили в сборник городских песен. Незадачливый повар получил задание приготовить чай:

*Раз прислал мне барин чаю
И велел его сварить.
А я отроду не знаю,
Как проклятый чай варить.
Взял я все на скору руку,
Чай весь высыпал в горшок.
На приправу перцу, луку
И петрушки корешок.*

Получив взбучку от барина за такое блюдо, повар размышляет о том, что он сделал не так:

*Долго думал, удивлялся,
Чем я мог не угодить,
А потом я догадался –
позабыл я посолить [6, с. 478].*

Судя по контексту, песня была создана до 1861 года, однако уже и тогда поющие и слушающие понимали юмор, заключенный в песне, знали, как надо готовить чай. К концу XIX века чай уже стал привычным напитком в русском обществе, чаепитие часто описывается в художественной и публицистической литературе [4, с. 16].

Основными сортами чая в России являются *зеленый чай* и *черный чай*. Первое название известно всем народам, оно, вероятно, является калькой с китайского 红茶: англ. green tea, дат. grøn te, тур. yeşil çay, серб. зелени чај и мн. др. Второе же название отличается от китайского; китайцы этот сорт чая именуют по цвету напитка красным 绿茶, тогда как у других народов название дано по внешнему виду высушенных листьев: швед. svart te, фр. thé noir, португ. chá preto, перс. چای سیاه и мн. др.

Рассыпной чай называют также *байховым* [3, с. 55]. Это самый распространенный вид чая, он обнаруживается еще во времена династии Цин (1488–1505) в провинции Гуанси. У этого слова есть несколько этимологических версий. М. Фасмер считает, что слово *байховый* заимствовано от китайского 白花 [báihuā] ‘белый цветок’ [32, т. 1, с. 108], однако в Китае словом 白花茶 [báihuāchá] называется не сорт чая, а особое растение. П. Я. Черных возводит это слово к китайскому 百合 [bǎihé] ‘лилия’ [34, т. 1, с. 65]. В Китае имеется сорт чая 白毫茶 [báiháochá].

Словом 白毫 [báiháo] называется слой тонкого пуха, который растет на обратной стороне чайных почек, после высыхания он становится белым. Китайское словосочетание 白毫茶 состоит из трех элементов: 白 ‘белый; седой’, 毫 ‘тонкая и острая ворсинка’ и 茶 ‘чай’ [44, с. 437]. С. А. Кузнецов добавляет в словаре в конце статьи **байховый**: *от названия едва распустившихся почек чайного листа* [3, с. 55], что, видимо, является наиболее точной этимологией слова.

В торговле чай различался по месту производства или промежуточной доставки. Идущий из Китая на Кяхту и далее гужом в Россию называли *кяхтинский чай*. *Кантонский чай* англичане везли морем из Китая, он поступал в Россию через Финляндию [8, т. 2, с. 230; 28]. *Нанкинский*, или *семипалатинский*, чай везли сухим путем из западного Китая на Сибирскую и Оренбургскую линии [24, с. 212–213]. На

Нижегородской ярмарке разные китайские чаи побеждали по очереди: в 1863 г. – кантонский, 1864 г. – кяхтинский, в 1865 г. – кантонский [1, с. 5].

По мере распространения производства чая в мире он перестал восприниматься как обязательная принадлежность Китая. Чайный куст стали выращивать на территории России. Появился *индийский, цейлонский, грузинский, краснодарский чай*. В России получил популярность *чай со слонем*, поскольку на коробке с этим чаем была надпись «Чай индийский» и изображен слон с сидящим на нем погонщиком в чалме и с длинной бородой. К Индии этот чай имел опосредованное отношение, он был создан на Иркутской чаеразвесочной фабрике в результате смешивания двух третей грузинского чая и одной части индийского сорта «Дарджилинг», в продажу этот чай поступил в 1972 году [41], его называли также *чаем со слониками* [33].

Лексема *чай* прочно вошла в лексический состав русского языка и дала большое количество дериватов. С помощью деминутивно-мелиоративного суффикса *-ок* образовано слово *чаек*, а фамильярно-уничижительный суффикс *-ушко* дает дериват *чаишко* (наложение гласного суффикса с последним согласным корня).

От существительного *чай* было образовано прилагательное *чайный*, которое послужило основой для новых существительных. Для названия посуды, в которой готовят чай, с помощью суффикса *-ник* было образовано слово *чайник*, однако оно стало использоваться не только как наименование сосуда, в котором заваривается чай, но и посуды для кипячения воды. Это связано, видимо, с традицией чаепития в России: в отдельном сосуде изготавливалась крепкая заварка чая, которая затем разбавлялась в стакане или кружке кипятком из самовара или другой посуды, на которую и было впоследствии перенесено название *чайник*. Для указания предмета, в котором непосредственно готовится чай, используются прилагательные *заварочный, заварной*. С помощью суффикса *-ек* образуется уменьшительно-ласкательное существительное *чайничек*. Название сосуда для хранения сухого чая *чайница* образуется с помощью суффикса *-ница(а)* [3, с. 1466].

Прилагательное *чайный* субстантивировалось в форме женского рода и единственного числа. Слово *чайная* первоначально употреблялось как обозначение комнаты в доме, в которой семья и гости собирались для чаепития. Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882) в повести «Сережа» («лоскуток из вседневной жизни»), впервые вышедшей в свет «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» в 1838 году (№ 15), пишет: «Для молодой жены мало скромного уголка, в котором помещался Карпентов; для нее нужны все утонченности роскоши: нужны диванная, чайная, а в особенности боскетная. Николай Осипович созвал плотников и начал, говоря слогом помещичьим, пристроиваться. Вскоре появилась боскетная с ужасными растениями, спальня, **чайная** и девичья» [27, с. 31]. К концу XIX века появились заведения для простого народа, в которых подавался чай и скромные закуски. А. П. Чехов в рассказе «Случай из практики», опубликованном в 1898 году в журнале «Русская мысль», упоминает о таком помещении: «На фабрике у нас каждую зиму спектакли, сами рабочие играют, ну чтения с волшебным фонарем, великолепная **чайная** и, кажется, чего уж» [35, с. 78]. В XX веке такие заведения встречаются повсеместно: «С версту пройдет – будет на дороге деревня, а

в ней – чайная, вот вы зашли бы, да попили чаю, и нам тоже позвольте» [7]. Долгое время такие заведения существовали и при советской власти.

Субстантивированный термин во мн. числе *чайные* используется в ботанике. Так обозначается семейство двудольных растений, листья представителей некоторых из них используются для изготовления чая [9].

Прилагательное *чайный* имеет широкую сочетаемость с существительными: *чайный куст, чайный лист, чайный аромат, чайный сервис, чайный поднос, чайный стакан, чайный цвет, чайный запах, чайная плантация, чайная фабрика, чайная промышленность, чайная ложка / ложечка, чайное дерево* и др. Некоторые словосочетания являются терминами: *чайная роза* ‘сорт розы с цветками бледно-желтого цвета’, *чайный гриб* ‘слизистая пленка из микроорганизмов, растущая в сладком растворе чая’, *чайный квас* ‘кисло-сладкий легко газированный напиток, образуемый чайным грибом’ [3, с. 1466]. Близки к фраземам некоторые устойчивые словосочетания, значение которых раскрывается с учетом лингвокультурологического анализа: *чайная пара* ‘чашка и блюдце, используемые совместно при чаепитии’, *чайный домик* ‘легкая парковая постройка в Японии для проведения чайной церемонии’, *чайная церемония* ‘ритуализированная форма чаепития в Китае и Японии’.

Прилагательное *чаевой* ‘даваемый кому-либо сверх оплаты за обслуживание, мелкие услуги (о деньгах)’ [3, с. 1466] ограничено в сочетаемости (*чаевой рубль, чаевые деньги*) и постепенно выходит из употребления, вытесняясь субстантивом *чаевые*. Прилагательное *чаевой* встретилось в воспоминаниях кинорежиссера-документалиста Василия Васильевича Катаняна (1924–1999): «*Потом мы были у дедушки в “Метрополе” и в кафе заказали мазагран, холодный кофе со взбитыми сливками в высоких бокалах, самое сильное впечатление от его приезда. Уходя, папа оставил на подносике чаевой рубль, а я волновался – не украдут ли?»* [17, с. 31]. Запись относится в 1932 году, при описании событий в более позднее время автор употребляет субстантиват: «*Промокнув рот салфеткой, он [Вертинский] спросил счет. У него счет был рубль пятьдесят, и он дал, как принято, 15 копеек сверх. Я же по-купечески – знай наших! – отвалил кучу чаевых»* [17, с. 390].

Прилагательное *чаевой* и субстантиват *чаевые* возникли на основе фразеологизма *дать / давать (брать) на чай* [3, с. 1466]. Любопытно, что только у восточных славян обозначение этого действия связано с чаем, причем, возможно, белорусы и украинцы позаимствовали свои слова у русских: белор. *чаявыя*, укр. *чайові*. Немцы дают на выпивку Trinkgeld, чехи тоже – spropitné, поляки – на пиво – parówek, англичане связывают свою лексему tips с семантикой ‘передавать, касаться, тыкать’ [43].

Глагол *чаевничать* предполагает производящее слово **чаевный*. Его нет в литературном языке, однако оно встречается в диалектах: *чаевная* ‘любительница пить чай’ [21, с. 474]. Подтверждают его потенциальное существование в языке дериваты *чаевник, чаевница*, образованные с помощью суффиксов *-ник* и *-ниц*. В книге В. В. Катаняна имеются такие контексты: «*Лихачев был умный, с чувством юмора мужик, одетый в китель – тогда подражали Сталину. Каждый раз был чай – “я чаевник, а вы, Лидия Ильинична?”*». «*Вернувшись усталая после спектакля,*

Плисецкая смотрела за вечерним чаем (она чаевница – как коренная москвичка) отснятый спектакль и, как правило, во многом оставалась не удовлетворенной собою» [17, с. 316, 172]. Глагол *чайничать* отмечен как разговорный синоним к *чаевничать* [3, с. 1466]. В. И. Даль, помимо этого глагола, приводит лексему *чаевать* [8, т. 4, с. 581]. В его словаре слова *чайник*, *чайница* определены как ‘охотник до чая’, что сейчас устарело [Там же].

Наличие в русском языке слов *чаевник*, *чаевница* позволяет определить деривационный путь глагола *чаевничать*: *чай* > *чаевой* > *чаевный* > *чаевник* > *чаевничать*. Этимологически модель восходит к образованию глаголов от названий лица с помощью суффикса *ѣ* с последующей палатализацией заднеязычного и перехода *ѣ* > *а* после образовавшегося мягкого согласного. Разумеется, во время образования этого глагола, что произошло, вероятно, в XIX веке, эти фонетические процессы уже не были живыми, деривация происходила по аналогии.

В русском языке используется большое количество сложных слов с начальным *чае-*: *чаевод*, *чаеводческий*, *чаеводство*, *чаепитие*, *чаепромышленность*, *чаепромышленный*, *чаепромышленный*, *чаепромышленный* и др. [10; 13, с. 259, 261, 272; 30, с. 551].

Слово *чай* столь основательно вошло в русский язык, что стало употребляться в названиях русских растений, высказываниях, характеризующих быт русского народа, этикетных формулах. Одно из растений, которое в России до распространения чая из Китая заваривали и использовали в качестве лечебного и тонизирующего напитка, получило название *иван-чай* [3, с. 373]. Понятно, что такое наименование могло быть образовано только после появления слова *чай* в русском языке, т. е. после XVII века. М. Фасмер отмечает, что так он был назван, поскольку из него приготавливался русский чай, а также высказывает предположение, что слово могло возникнуть от топонима *Ивангород* [32, т. 2, с. 114]. Выдвигается также версия о том, что название дали англичане, которые в XVII веке закупали русский чай тоннами и назвали его по популярному русскому имени [38]. В ботанике трава именуется *кипрей узколистный* [11, с. 225–226; 16]. Народное название этого растения *копорский чай*, *копорка* образовано от топонима *Копорье*, названия села около Санкт-Петербурга [32, т. 2, с. 319], где это растение произрастает в больших количествах.

Существует не подтвержденная документами история о том, что во времена императрицы Екатерина II некий «дворовый человек Царскосельской вотчины» Савелов, побывав с российским посольством в Китае, организовал «выделку копорского чая». «Около 1820 года г. Савелов переселил несколько семей из петербургского имения своего в московское, – и выделка копорского чая немедленно там распространилась под названием *иван-чая*» [24, с. 214–215].

Первоначально иван-чай использовался для добавки в кяхтинский, поэтому вполне возможно, что включение в название травы типичного русского имени намекало на противопоставление русского чая китайскому. Фальсификация кяхтинского чая вскоре была обнаружена, московское купечество и американская компания обратились с жалобой в правительство, которое в 1816 году запретило сбор и подмешивание травы в чай. В 1819 и 1833 годы были о том же изданы новые указы, а в 1834 году в Петербурге была учреждена особая комиссия. «Многие подвергнулись

законному строгому взысканию, были наказаны телесно, сосланы или лишены доброго имени. Несколько московских торговцев и люди помянутого г. Савелова были также избличены и наказаны» [24, с. 215–216].

Но и после этого сбором травы и приготовлением копорского чая занимались крестьяне во многих местах России: в деревнях Хотнежи, Мазанки, Ганбово, Твердого Ямбургского уезда, Гусинки, Расколовки, Селище Царскосельского уезда Петербургской губернии, Парфенихи, Упихи, Хохловой, Сергеевке, Гари, Запрудне, Татьяниной, Быковой, Корюшевой, Гусенках Дмитровского уезда Московской губернии, Бурцовой, Сосковой, Задиловой, Гуслевой Александровского уезда Владимирской губернии, Юркиной, Сорокиной, Бардиной Калязинского уезда Тверской губернии и др. [24, с. 217–218].

В настоящее время в России иван-чай обретает новую популярность, он назван культурным наследием России, публикуются книги о нём и с рецептами приготовления напитка, учёные исследуют его биохимический состав и лечебные свойства [15; 16], в разных местах страны проводятся фестивали иван-чая [40].

В народе используется приветствие участникам чаепития *Чай да сахар!* или *Чай с сахаром!* [3, с. 1466; 8, т. 4, с. 580]. Оно отмечено в художественных текстах: «*Зашел я в первый постоялый двор, который показался мне попроще, поменьше, и застал хозяев за самоваром; тут же сидели две молодые бабы, трое или четверо детей да один проезжий крестьянин. – Чай да сахар! – Просим милости чаю кушать! – отвечали все в один голос*» [25]. Эта этикетная формула возникла по образцу более известного и более древнего пожелания приятного аппетита тем, кого застали за едой: *Хлеб да соль! Хлеб-соль!* [3, с. 1444]. Встречается также формула благодарности за угощение во время чаепития: *Спасибо за чай-сахар!* В настоящее время отмеченные выше приветствия при чаепитии и благодарность за угощение используются редко.

Лексема *чай* вошла во многие русские фразеологизмы, устойчивые словосочетания, пословицы и поговорки: *гонять / распивать чаи* (неспешно, долгое время пить чай), *баловаться чайком* (любить пить чай в любое время), *обсудить за чашкой чая* (побеседовать в неофициальной обстановке), *пить пустой чай* (без сахара или без конфет и выпечки), *Приходите на чашку чая!* (приглашение в гости), *Некогда чаи распивать* (надо браться за серьезную работу), *Выпей чайку – позабудешь тоску!* (приглашение к чаепитию), *Чай пить – не дрова рубить* (согласие на приглашение к чаепитию и подчеркивание, что это не труд, а удовольствие), *Чай не пил – какая сила?* *Чай попил – совсем ослаб!* (шутливое высказывание после обильного чаепития), *Мы за чаем не скучаем, по семь чашек / три чашки вытываем* (так говорят о себе любители чаепития и праздного времяпрепровождения), *По чаям ходить, добру не быть* (о частом посещении трактира), *Такой чай, что через него Кронштадт виден* (в Питере), *Москву насквозь видно* (о слабой заварке), *Чай не водка – много не выпьешь* (шутливое обозначение завершения чаепития), *Чаем на Руси никто не подавился* (так говорят, когда в чашку попадают чайинки) и мн. др. [8, т. 4, с. 580; 14; 26, с. 603; 20; 22; 31].

ВЫВОДЫ

Чай как освежающий напиток получил распространение в Китае в период династии Хань (206 г. до н. э. – 221 г. н. э.), когда были освоены новые способы сбора и обработки чайных листьев. Постепенно вырабатываются правила чаепития. Лексема *чай* была заимствована русскими у тюрков, которые преобразовали китайское слово 茶 [chá], добавив к нему финаль [i/j]. Первые упоминания о чайном листе в России датируются 1638 годом, когда Василий Старков привез царю Михаилу Федоровичу в дар от монгольского алтын-хана свертки с сухими листьями. Новый напиток понравился царю и боярам; в 1769 году Россия заключает с Китаем первый договор на поставку чая. Культура чаепития быстро получила широкое распространение в России, в результате чего лексема *чай* вошла в активный словарный запас русского языка, стала основой для многих дериватов, включена во фраземы и поговорки, используется в фольклорных, художественных и публицистических текстах. Появились различные сорта чая, постоянно обновлялись их наименования. Чайный куст стали выращивать на территории России.

Список литературы

1. *Бакалдина Е. В.* Чаеоторговля на Нижегородской ярмарке // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева: матер. Междунар. научно-практ. конф. «Кяхта: история, наследие, современность», посвящ. 290-летию г. Кяхта. – Кяхта: Изд-во Байкал. ин-та природопользования СО РАН, 2018. – С. 4–11.
2. *Бичурин Н. Я.* Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение. – М.: Э, 2016. – 439 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. *Виноградский Б. Б., Югай В.* Путь чая. – М.: Изд-во Антона Жигульского, 2007. – 158 с.
5. *Головкин Б. Н.* О чём говорят названия растений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Колос, 1992. – 191 с.
6. Городские песни, баллады, романсы / сост., подготовка текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. – М.а: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 578 с.
7. *Горький А. М.* Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 8. – М.: ГИХЛ, 1950. – 509 с.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: ГИИНС, 1955–1956.
9. *Дудченко Л. Г., Козьяков А. С., Кривенко В. В.* Пряно-ароматические и пряно-вкусовые растения: справочник. – К.: Наукова думка, 1989. – 304 с.
10. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 2000.
11. Жизнь растений: в 6-ти т. – Т. 5, часть 2 / гл. ред. А. Л. Тахтаджян. – М.: Просвещение, 1981. – 512 с.
12. *Завьялова О. И.* Диалекты китайского языка. – М.: Научная книга, 1996. – 207 с.
13. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 328 с.
14. *Иванникова А. Г., Казарян А. А., Хоречко У. В.* Сравнительный анализ пословиц, поговорок и фразеологизмов русского и китайского языков // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 733–738.
15. *Иринина О. И., Елисеева О. И.* Изучение биохимического состава и лечебных свойств растения кипрей узколистный (иван-чай) // Ползуновский вестник. – 2021. – № 2. – С. 44–54.

16. *Караматов И. Д., Тураева Н. И.* Кипрей узколистый, Иван-чай // Биология и интегративная медицина. – 2016. – № 6. – С. 160–169.
17. *Катанян В. В.* Прикосновение к идолам. – Москва: Вагриус, 1997. – 448 с.
18. *Лу Юй.* Канон чая / пер. с кит., введ. и коммен. А.Т. Габуева и Ю. А. Дрейзис. – М.: Гуманитарий, 2007. – 123 с.
19. *Мироненкова Л. С.* Чай и его влияние на культуру повседневности России // Молодежь в науке и творчестве: матер. Междунар. науч. форума обучающихся: сб. научных статей. – Гжель: Изд-во Гжел. гос. ун-та, 2017. – С. 556–558.
20. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х т. – М.: Русские словари, 1994.
21. *Моисеев Б. А.* Оренбургский областной словарь. – Оренбург: Оренб. кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2019. – 516 с.
22. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
23. Народные песни Пермского края: сб. текстов. Т. 2./ предисл. Т. Ф. Пирожковой. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1968. – 414 с.
24. О подделке и подмеси чаев и обманах по чайной торговле // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Кн. 3: июль-сентябрь. – М.: Унив. тип., 1860. – С. 212–222.
25. *Слепцов В. А.* Трудное время: Очерки, рассказы, повесть. – М.: Современник, 1986. – 493 с.
26. *Соколова М. И.* Народная мудрость: Пословицы и поговорки. – Новосибирск: Офсет, 2009. – 622 с.
27. *Соллогуб В. А.* Избранная проза. – М.: Правда, 1983. – 528 с.
28. *Станюкович К. М.* Собр. сочинений: в 10-ти томах. Том 1: [Рассказы. Очерки. Повести, 1864–1887 / примеч. Л. Барбашовой]. – М.: Правда, 1977. – 383 с.
29. *Супрун В. И.* Источники по истории китаизмов в русском языке: сообщения о Китае в русских текстах XVII–XIX веков // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 14–23.
30. *Тихонов А. Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка: для всех, кто хочет быть грамотным. – М.: АСТ, 2014. – 639 с.
31. Универсальный фразеологический словарь русского языка / под ред. Т. Волковой. – М.: Вече, 2000. – 464 с.
32. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – 2-е изд., стереот. – М.: Прогресс, 1986-1987.
33. *Харченко В. А.* Чай со слониками: повести, рассказы. – М.: Время, 2018. – 318 с.
34. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. – 2-е изд., стереот. – М.: Рус. яз., 1994.
35. *Чехов А. П.* Случай из практики // Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 18-ти т. – Т. 10. – М.: Наука, 1977. – С. 75–85.
36. *Шастина Н. П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. [Вып.] VI. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 383–395.
37. *Finlay R.* The Voyages of Zheng He: Ideology, State Power, and Maritime Trade in Ming China // Journal of the Historical Society. – 2008. – Vol. 8, no. 3. – P. 327–347.
38. https://aif.ru/society/nature/pochemu_ivan-chay_tak_nazyvaetsya 39
39. http://newsruss.ru/doc/index.php/Россия_в_1769_году
40. <https://www.culture.ru/events/1969767/festival-ivan-chai>
41. <https://www.weacom.ru/articles/info/196712>
42. *Okakura K.* The Book of Tea. – New York: Daffield & Co, 1906. – 160 p.

43. Online Etymology Dictionary. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> – (Дата обращения: 23.01.2023)
- 44.中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 商务印书馆. 北京. 1978. 1566页
45. 冈夫. 茶文化. 北京: 中国经济出版社, 1995.
46. 杨昌敏. 谈茶的发现和茶的历史. 《遵义科技》, 2014. – 页 27-28.
47. 莫银燕. 中华茶文化. 长春: 吉林人民出版社, 2017.

References

1. Bakaldina E. V. *Chaetorgovlya na Nizhnegorodskoj yarmarke* [Tea trade at the Nizhny Novgorod Fair]. *Trudy Kyahtinskogo kraevedcheskogo muzeya imeni akademika V. A. Obrucheva: Mater. mezhdunar. nauchno-prakt. konf. «Kyahta: istoriya, nasledie, sovremennost'», posvyashch. 290-letiyu g. Kyahta*. Kyahta: Bajkal. in-t prirodopol'zovaniya SO RAN Publ., 2018, pp. 4–11.
2. Bichurin N. Ya. *Kitaj. Ego zhiteli, nrawy, obychai, prosveshchenie* [China. Its inhabitants, mores, customs, education]. Moscow, E Publ., 2016. 439 p.
3. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. S. A. Kuznecov. Saint-Peterburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.
4. Vinogradskij, B. B., Yugaj V. *Put' chaya* [The Way of Tea]. Moscow, Anton Zhigul'skii Publ., 2007. 158 p.
5. Golovkin B. N. *O chyom govoryat nazvaniya rastenij* [What do the names of plants say]. Moscow, Kolos Publ., 1992. 191 p.
6. *Gorodskie pesni, ballady, romansy* [Urban songs, ballads, romances]. Moscow, Filol. fak-t MGU im. M. V. Lomonosova Publ., 1997. 578 p.
7. Gor'kij A. M. *Sobranie sochinenij v 30 t.* [Collected works in 30 vol.]. Vol. 8. Moscow: GIHL Publ., 1950. 509 p.
8. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vol. Moscow: GIINS Publ., 1955–1956.
9. Dudchenko L. G., Koz'yakov A. S., Krivenko V. V. *Pryano-aromaticheskie i pryano-vkusovye rasteniya: spravochnik* [Spicy-aromatic and spicy-flavoring plants: guide]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1989. 304 p.
10. Efremova T. F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. [A new dictionary of the Russian language. Explanatory & word-formation]. In 2 vol. . Moscow: Rus. yaz. Publ., 2000.
11. *Zhizn' rastenij* [Plant life]. In 6 vol. Vol. 5, p. 2. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 512 p.
12. Zav'yalova O. I. *Dialekty kitajskogo yazyka* [Dialects of the Chinese language]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 1996. 207 p.
13. Zemskaya E. A. *Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie* [Modern Russian language. Word formation: study guide]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2011. 328 p.
14. Ivannikova A. G., Kazaryan A. A., Horechko U. V. *Sravnitel'nyj analiz poslovic, pogovorok i frazeologizmov russkogo i kitajskogo yazykov* [Comparative analysis of proverbs, sayings and phraseological units of the Russian and Chinese languages]. *Molodoj uchyonyj*, 2015, no 4, pp. 733–738.
15. Irinina O. I., Eliseeva S. A. *Izuchenie biohimicheskogo sostava i lechebnyh svojstv rasteniya kiprej uzkolistyj (ivan-chaj)* [Study of the biochemical composition and medicinal properties of the willow herb plant (ivan-chai)]. *Polzunovskij vestnik*, 2021, no 2, pp. 44–54.
16. Karomatov I. D., Turaeva N. I. *Kiprej uzkolistyj, Ivan-chaj* [Willow herb, Ivan-chai]. *Biologiya i integrativnaya medicina*, 2016, no 6, pp. 160–169.
17. Katanyan V. V. *Prikosnovenie k idolam* [Touching Idols]. Moscow, Vagrius Publ., 1997. 448 p.

18. Lu Yuj. *Kanon chaya* [The canon of tea]. Moscow, Gumanitarij Publ., 2007. 123 p.
19. Mironenkova L. S. *Chaj i ego vliyanie na kul'turu povsednevnosti Rossii* [Tea and its influence on the culture of everyday life in Russia]. *Molodyozh' v nauke i tvorchestve: Mater. mezhdunar. nauch. foruma obuchayushchihsya: sb. nauchnyh statej*. Gzhel', Gzhel. gos. un-ty Publ., 2017, pp. 556–558.
20. Mihel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech': Svoyo i chuzhoe: Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazaniy* [Russian Thought and Speech: One's Own and Another's: The Experience of Russian Phraseology: A collection of figurative Words and Parables]. In 2 vol. Moscow, Russkie slovari Publ., 1994.
21. Moiseev B. A. *Orenburgskij oblastnoj slovar'* [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg: Orenb. kn. publ. im. G. P. Donkovceva, 2019. 516 p.
22. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K.. *Bol'shoj slovar' russkih poslovic* [A large dictionary of Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 1024 p.
23. *Narodnye pesni Permskogo kraja: Sb. tekstov* [Folk songs of the Perm region: Collection of texts]. Vol. 2. Perm'; Perm. gos. un-ty Publ., 1968. 414 p.
24. *O poddelke i podmesi chaev i obmanah po chajnoj trgovle* [About the forgery and mixing of teas and deceptions in the tea trade]. *Chteniya v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete*. Kn. 3: iyul'-sentyabr'. Moscow: Univ. Publ., 1860, pp. 212–222.
25. Slepcev V. A. *Trudnoe vremya: Ocherki, rasskazy, povest'* [A difficult time: Essays, short stories, novella]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 493 p.
26. Sokolova M. I. *Narodnaya mudrost': Posloviцы i pogovorki* [Folk wisdom: Proverbs and sayings]. Novosibirsk: Ofset Publ., 2009. 622 p.
27. Sollogub V. A. *Izbrannaya proza* [Selected prose]. Moscow: Pravda Publ., 1983. 528 p.
28. Stanyukovich K. M. *Sobr. soch. v 10 tomah* [Collected works in 10 volumes]. Vol. 1. *Rasskazy. Ocherki. Povesti, 1864-1887* [Short stories. Essays. Stories, 1864-1887]. Moscow: Pravda Publ., 1977. 383 p.
29. Suprun V. I., Czyatun Ven *Istochniki po istorii kitaizmov v russkom yazyke: soobshcheniya o Kitae v russkih tekstah XVII-XIX vekov* [Russian Sources on the History of Sinoisms: Reports on China in Russian Texts of the XVII-XIX Centuries]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i piskhologiya*, 2021, no 4, pp. 14–23.
30. Tihonov A. N. *Novyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: dlya vsekh, kto hochet byt' gramotnym* [New word-forming dictionary of the Russian language: for everyone who wants to be literate]. Moscow: AST Publ., 2014. 639 p.
31. *Universal'nyj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Universal phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. T. Volkova. Moscow, Veche Publ., 2000. 464 p.
32. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Moscow, Progress Publ., 1986–1987.
33. Harchenko V. A. *Chaj so slonikami: povesti, rasskazy* [Tea with little elephants: novellas, short stories]. Moscow, Vremya Publ., 2018. 318 p.
34. Chernyh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. In 2 vol. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1994.
35. Chekhov A. P. *Sluchaj iz praktiki* [A case from the practice]. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* Vol. 10. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 75–85.
36. Shastina N. P. *Altyn-hany Zapadnoj Mongolii v XVII v.* [Altyn Khans of Western Mongolia in the XVII century]. *Sovetskoe vostokovedenie* VI. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1949, pp. 383–395.

37. Finlay R. *The Voyages of Zheng He: Ideology, State Power, and Maritime Trade in Ming China*. *Journal of the Historical Society*, 2008., Vol. 8, no. 3, pp. 327–347.
38. https://aif.ru/society/nature/pochemu_ivan-chay_tak_nazyvaetsya 39
39. http://newsruss.ru/doc/index.php/Россия_в_1769_году
40. <https://www.culture.ru/events/1969767/festival-ivan-chai>
41. <https://www.weacom.ru/articles/info/196712>
42. Okakura K. *The Book of Tea*. New York, Daffield & Co, 1906. 160 p.
43. Online Etymology Dictionary. Available from: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 23 January 2023)
- 44.中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 商务印书馆. 北京. 1978. 1566页
45. 冈夫. 茶文化. 北京: 中国经济出版社, 1995.
46. 杨昌敏. 谈茶的发现和茶的历史. 《遵义科技》, 2014. – 页 27-28.
47. 莫银燕. 中华茶文化. 长春: 吉林人民出版社, 2017.

THE WORD ЧАЙ ‘TEA’ AND ITS DERIVATIVES IN RUSSIAN

Suprun V. I., Weng Jiatong

The article is devoted to the analysis of the history of the lexeme *чай* in the Russian language. This refreshing drink became widespread in China during the Han Dynasty (206 BC – 221 AD), when new methods of collecting and processing tea leaves were mastered. Gradually, the rules of tea drinking are being developed in the country. The lexeme *чай* was borrowed by the Russian language from the Turks, who transformed the Chinese word 茶 [chá] by adding the final [i/j] to it. The first mention of the tea leaf in Russia dates back to 1638, when Vasily Starkov brought bundles of dry leaves to Tsar Mikhail Fedorovich as a gift from the Mongolian Altyn Khan. The tsar and the boyars liked the new drink, in 1769 Russia signed the first contract with China for the supply of tea. The culture of tea drinking quickly became widespread in Russia, as a result of which the lexeme *чай* entered the active vocabulary of the Russian language, became the basis for many derivatives, and was included in folklore, artistic and journalistic texts. Various varieties of tea began to be used, their names were constantly updated. The tea bush began to be grown on the territory of Russia. There were *чайные* (tea houses) – special establishments where tea was served. In restaurants, they began to *чаевые* (tip) waiters for service. Tea etiquette appeared. One of the plants that was used as a substitute for tea was called *иван-чай*.

Keywords: borrowing, polysemant, derivation, etymology, substantization, Russian language, Chinese language.